

Известная документалистка не коллекционирует страдания. Опыт героев ее книг позволяет остаться человеком в нечеловеческих обстоятельствах

СУДЬБА

Если не родился сенбернаром...

Екатерина ЖИРИЦКАЯ

Через двадцать лет после выхода книги «У войны не женское лицо» Светлана Алексиевич выпускает ее в новой редакции. Ради чего писатель предлагает нашему — и без того уставшему от драм — обществу еще раз пройти через опыт боли, Светлану Алексиевич спрашивает корреспондент «МН».

— С книги «У войны не женское лицо» когда-то началась серия ваших документальных романов. Первый услышанный вами голос был женским — почему?

— Женщина рассказывает о войне иначе, чем мужчина. В мужской версии слышен звон оружия и гордость победы. Женский взгляд не оставляет иллюзий: войну можно только ненавидеть. «На поле было столько убитых, что оно еще лет пять не родило». «Идешь — наши и немцы вперемешку лежат, и все молодые-молодые, красивые-красивые». «Лет двадцать потом на базар не ходила — не могла видеть мясо». Женские истории — про нерожденных детей, про потерянную веру, про несостоявшуюся любовь, про исковерканное тело, про вытравленную душу.

— Говорят, каждый писатель всю жизнь пишет одну книгу. О чем ваша? — Она не о войне, Чернобыле или развале империи, я не коллекционирую страдания. Меня занимает история человеческого духа, который

лишь и позволяет остаться человеком в нечеловеческих обстоятельствах. Быть человеком не слишком просто. Даже сегодня — попробуйте сохранить в себе совесть, достоинство, сострадание. Чтобы жить, нужно мужество, а человек по своей природе слаб, его дух нуждается в поддержке. Тут и приходит на помощь опыт моих героев. В экстремальной ситуации вопросы бытия обнажены. Зло там препарируется. Экстремальная ситуация высвечивает личность. Сколько человека в человеке? Что в нем от зверя, что от Бога? Как защитить в себе хрупкую душу? Возможно, смысл всех страданий нашего народа и заключен в том, чтобы вечно искать ответы на эти «проклятые» вопросы.

— Вы стали популярны в перестроечные 90-е. На дворе иная эпоха, и общество, кажется, не хочет «разговоров о вечном».

— Мы ушли с баррикад, ни одна из великих идей больше не очарует нас. Но что изменилось в человеке? Нам еще не обещано бессмертие, значит, придет время умирать. Как и раньше, человек страдает от одиночества и ищет любовь. Любовь и смерть не зависят от эпохи. Другое дело, что каждое время ждет своего языка. Отчасти в его поисках я и уехала на Запад. Меня интересовали не то чтобы другие слова... (писатель пригвожден к родной речи), а другие оттенки, контрапункты, иной круг чувств. Я хотела отдалиться, изжить свою причастность к культуре борьбы. Мне был нужен цветной мир, а не Путин с Лукашенко.

— Ваши книги выдержали более восьмидесяти изданий во всем мире. Что интересует в романах Алексиевич зарубежного читателя?

— Я спросила французского издателя повести «У войны не женское лицо», почему он решил опубликовать книгу о Второй мировой войне? Россия — цивилизация слез, ответил он. Донесшие из прошлого голоса русских женщин не только заново открыли ему Вторую мировую войну, но и заставили задуматься о прочности человеческого духа. «Жизнь западного человека стала такой комфортной, — продолжал мой французский собеседник, — что тот отвык задавать себе «проклятые» вопросы, а ваши книги снова заставляют вглядываться в бездны души».

Меня потрясло, что в Европе исторический опыт России, кажется, ценят больше, чем мы сами. Там люди с большим уважением относятся к нашей крови, нашим страданиям, хотя не понимают, почему мы в который раз позволяем с собой такое вытворять. Судьбы моих героинь для них — особый вид знания, свидетельство опасности искушения, бесконечной тяжести выбора между добром и злом. События последних лет — Нью-Йорк, Мадрид, взрывы в Московском метро, — к сожалению, еще раз доказали, сколь тонок покров культуры.

— Любовь к «проклятым» вопросам традиционно считалась особенностью русского менталитета.

СВЕТЛАНА АЛЕКСИЕВИЧ

Свободного человека нельзя экспортировать, как швейцарский ШОКОЛАД

Что делает их сегодня актуальными для Европы?

— Я живу за границей не первый год и могу сказать, что «вечные» вопросы давно не вставали перед западным обществом столь остро, как сейчас. Кризис идей происходит во всем мире. Европейские интеллектуалы испытывают горечь поражения. В каком-то смысле они проиграли битву. Они не дали внятных ответов на вопросы общества, и мир пошел проторенной дорогой войн, укрепления диктатуры. Диктатура — это ведь не только архипелаг ГУЛАГ, она использует и более тонкие формы насилия.

— На наших глазах рушилась советская империя. Смог ли главный герой ваших романов, «маленький» человек времен «великой утопии», справиться с последствиями этой катастрофы? — На сломе эпох он настойчиво пытался понять: «Ради чего были все мои страдания?» В «Цинковых мальчиках» есть такой эпизод — когда объявляют, что война в Афганистане была ошибкой, парень-инвалид бросает в телевизор костыли: «Тогда верните мне мои но-

ги!» И в «Зачарованных смертью», и «Чернобыльской молитве», и в «Последних свидетелях» мои герои настойчиво ищут ответа на вопрос: «Что произошло со мной и моей страной?»

Сегодня люди начинают обживать этот распавшийся мир. Они хотят выбраться из-под обломков утопии к другой, счастливой, жизни. Они вернулись к частной жизни, к семье, к себе. Сегодня все, от дворника до академика, проходят через одиночество. Страна проделывает огромную работу. Может быть, она незаметна — на поверхности идет лишь бесконечная борьба за выживание, — но в глубинах душ изживаются мифы.

Наши интеллектуалы, на мой взгляд, в большой степени виноваты перед «обыкновенным» человеком. Мы предали его, слишком быстро передоверив свое место в обществе генералам, экстра-сенсам, политикам. Мы не помогаем работе духа. А если страна и каждый человек в отдельности эту работу не проделает, Россия останется на задворках мира.

— Однако возрождение теперь чаще связывают с ростом валового продукта, чем с работой духа.

— Нам предстоит вырастить в себе свободу. Свободного человека нельзя экспортировать, как швейцарский шоколад. Его можно только вырастить, а это огромный труд. И здесь уж не обойтись без хороших книг и серьезных разговоров.

Пожив в Европе, я ясно вижу различие двух культур. Западные люди свободны. Они иначе ощущают себя. Попробуйте там принять непопулярную поправку к закону — завтра же на улицы выйдут сотни тысяч. Люди не могут представить, что кто-то другой будет распоряжаться их жизнью. Мы же безропотно отдаем чужой воле.

— Вам никогда не говорили, что ваши книги депрессивны, что читать об ужасах войны тяжело, что надо развлекаться, думать о хорошем?

— Я никого нарочно не пугаю, речь идет о том, что составляет фундамент жизни. Любовь, самоуважение, честь, милосердие, мужество. Я не призываю закрыть все театры варьете. Просто есть вопросы, которые человек не может себе не задавать. Иначе ему надо было бы родиться сенбернаром.